

смысл легкий и прозрачный стих М. Пуймановой в переводе А. Шестакова, который гораздо успешнее перевел стихотворения П. Койша. Разве эти строки не занижают уровень мастерства чешской поэтессы?

И ввысь по Замковым ступеням
в кудрях садов шагаешь, Прага, ты.
Твоим великим не было успения
ни там на небе и ни где кресты.

Точный перевод всегда лучше, чем неточный, — это аксиома. Но иногда отступления от подлинника можно принять, если они предприняты в целях решения главной задачи — воссоздания смысла и духа подлинника, его ключевых образов, стилистического рисунка. Можно спорить, например, с переводами Вл. Солоухина, которые безупречно звучат по-русски, но не всегда «точные» в строгом смысле этого слова. Перевод стихотворения «Любовь» В. Завады можно отнести к числу «вольных», оно стало объемнее, слегка изменилась структура стиха. Однако характер и стиль поэзии Завады, поднимающейся до философских обобщений, но тесно связанной с землей, изысканной на языке метафор, репутация поэта большого и самобытного У Солоухина если и есть отступления от деталей подлинника, то нет отступлений от Поэзии.

Над книгами трудилась целая группа советских поэтов: Е. Винокуров, Вл. Солоухин, Ст. Куняев, П. Грушко, В. Британишский, И. Иванов (Инов) и другие. И антология и сборник отразили тенденцию, которую всячески стоит приветствовать: закрепление за автором или хотя бы за циклом его стихов «своего» переводчика. Это помогло лучше понять и точнее донести индивидуальное своеобразие чешских и словацких поэтов, сохранив и в переводах ту внутреннюю цельность, которая обычно свойственна творчеству настоящих художников.

Л. БУДАГОВА

АНГЛИЙСКИЕ КНИЖКИ И МОСКОВСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

На выставке английской детской книги, состоявшейся во Всесоюзной Государственной библиотеке иностранной литературы

Как и многие, я пошел на эту выставку с сыном, мальчиком восьми лет. Он сразу сказал: «Подумаешь, Робинзон... Остров сокровищ. Маугли... — знаем мы их...» Но приходят наши дети на эту английскую выставку, и вот их уже не оторвешь от стола, на котором разложены все те же «Приключения Робинзона» и «Рассказы о Маугли», известные им насквозь.

Но пока сын занят книжками, можно походить и посмотреть всю выставку.

Я родился и вырос там, где Льюис Керролл заблудился, в Москве, на Страстной площади, которая сейчас называется Пушкинской. Выйдя из Страстного монастыря, он совершенно, как Алиса, не знал, куда идти, но ему было безразлично, куда идти — все было ново! А вскоре после того, как Льюис Керролл побывал в Москве, вышел первый русский перевод «Приключений Алисы». В письме к издателю Макмиллану Льюис Керролл сообщил, что книгу будет переводить «мисс Тимириязева», и если имеется в виду (как я думаю) двоюродная сестра профессора Тимириязева, почетного доктора Кембриджского университета, то это — человек пушкинского круга. Она просто получала книги в детстве от Пушкина и его друзей, и ее перевод-пересказ выдержан в пушкинской традиции — та самая, проложенная нашим национальным гением, нашим Шекспиром, дорога усвоения чужой культуры. Именно усвоения, когда английская книга становится вполне русской, оставаясь вместе с тем английской. Благодаря тому, что все наши лучшие переводчики следовали этой традиции, наши дети теперь и рассматривают Робинзона как «своего». Им, сидящим за этим столом, заваленным яркими книжками, возможно, и в голову не приходит, что это — английские книжки!

А вот Алиса все-таки иностранка для нас, хотя мы все знакомы с ней, конечно. Многие думают — игра слов, трудно передать. Но Корней Чуковский и Маршак справлялись с любой игрой слов. Да еще как! А она слишком англичанка, эта Алиса! И выражается это не в мудреных парадоксах, а в самых обычных словах и ситуациях. Понять все эти странные превращения можно и не так уж трудно подыскать русский эквивалент «кадрили с омарами». Но невозможно постичь безумие английского чаепития и нелегко понять нам всю важность (на английский взгляд) старательной оговорочности, когда хочет человек спросить всего лишь: «Ты так думаешь?» Нет ведь! Он спросит: «Ты думаешь, ты смогла бы найти подобающий ответ на этот вопрос?» «Чтобы перевести «Приключения Алисы», надо перевезти всю Англию», — сказал один переводчик, изнемогший в борьбе с текстом.

Что-то я не увидел на выставке «Доктора Дулитла» Хью Лофтинга и даже не нашел его в каталогах издательства, а попробуйте представить себе выставку нашей детской книги без нашего Дулитла — без Айболита Чуковского. А Борис Заходер сумел познать наших ребят крепко и, как видно, надолго с Винни-Пухом. У нас про Винни-Пуха читают, у нас про него поют, он — «звезда экрана» в мультипликационных фильмах.

На выставке я встретил одного из редакторов нашего издательства «Детская литература». Редакторы приходят на выставку как на работу — посмотреть, что годится для перевода. Из новых книг, конечно. Нам уже

СРЕДИ КНИГ

нечего было рассматривать множество раз переизданный «Остров сокровищ» или киплингские «Сказки». И Элеанор Фарджон, и Траверс, и Биссет, и Толкейн — это все также освоено. Надо искать новые имена.

Не все нужно переводить. Но можно перенять самый тип некоторых изданий, например, «книжки с картинками» или детские энциклопедии вроде «Смотри и читай».

По этой выставке видно, что, несмотря на все разнообразие изданий и различные стили в оформлении книг, английские издатели, авторы и иллюстраторы в одном почти единодушны — делают детские книги для детей. Ведь сейчас получила распространение еще и такая особая «детская» книга — для взрослых. Делается она обычно в духе детского примитива, но ведь ребенок самому себе вовсе примитивным не кажется. Рисует он каракули, но воспринимает их как настоящие картинки! Это прекрасно понимали лучшие английские писатели. Книга с детьми должна играть, а не застревать, тогда вот и видишь картину как на этой выставке: рассматривают наши дети «Робинзона», который был книгой детства и для Толстого...

Маленький мальчик (я случайно услышал), уходя с выставки, говорил матери:

— Слушай, мама, оказывается, у этих англичан тоже есть Винни-Пух.

Д. УРНОС

*Издано
за рубежом*

РОДОСЛОВНАЯ АЛЕКСА ХЕЙЛИ

Alex Haley. Roots. New York. Doubleday and company, Inc. 1976.

«*А*враам родил Исаака; Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его... Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос...» Эти слова «от Матфея» приходят на ум, когда читаешь книгу Алексея Хейли «Корни. Сага об одной американской семье». Особенно ее заключительную часть, где сходство с евангельским текстом наиболее заметно. Когда после долгих поисков Хейли попадает в африканскую деревушку Джаффу, местный хранитель истории племени мандинго сообщает ему: «Кайраба Кунта Кинте взял в Джаффуре первую

жену, девицу мандинго, чье имя было Сиренг. От нее он родил двух сыновей, и нарекли их Джаннет и Салум. Потом он взял вторую жену, по имени Яйса. От Яйсы он родил сына Оморо... Оморо Кинте родил четырех сыновей — Кунта, Ламина, Сивада и Мади. Примерно в то время, когда пришли королевские солдаты, Кунта, старший из четырех сыновей, пошел в лес срубить дерево... и с тех пор его не видели».

Книга «Корни», стоявшая автору двенадцати лет труда, представляет собой родословную американского негра, прослеженную на протяжении семи поколений и уходящую корнями в Африку. Но это не только родословная. Это история рабства, пересказанная самими рабами — героями саги. Причем говорят герои на характерном негриянском диалекте — введение в текст этого художественно-речевого приема придает ему, несомненно, большую выразительность и колоритность.

..Итак, в 1767 году в лесу, неподалеку от деревни Джаффу, в четырех днях плавания от устья реки Гамбия, на семнадцатилетнего Кунта Кинте напали работорговцы. Кунта отчаянно сопротивлялся, но оглушенный дубинками, был связан, закован в кандалы и отправлен на невольничьей шхуне «Лорд Лигонер» в Америку.

Через восемьдесят шесть дней плавания до бурных вод Атлантики судно прибыло наконеч в порт Аннаполис. Из ста сорока чернокожих мужчин и женщин, находившихся на его борту, уцелело только девяносто восемь. Остальные погибли в пути, не выдержав тяжких условий в трюме, лишенном воздуха и зараженном экскрементами. В книге подробно описывается, каким испытаниям подвергались невольники, пытавшиеся бунтовать против своих поработителей.

Кунта Кинте выжил. Его привезли в штат Виргиния и продал белому плантатору — «масса Джону Уиллеру». Невольник обладал неукротимой волей и свободолубием. Трижды он пытался бежать, и за каждую попытку его карали плетью. А после четвертого раза, поймав, отрубили половину ступни.

Прошло тридцать лет. Кунта женился на хозяйской кухарке Белл. У них родилась дочь Киззи, воспитанию которой Кунта отдавал все свободное время. Объяснял ей значение разных африканских слов, рассказывал о родной деревне и о том, как попал в Америку. Он мечтал, что дочь его когда-нибудь будет свободной.

Когда Киззи исполнилось шестнадцать лет, хозяин продал ее мелкому плантатору из Северной Каролины. Что случилось после этого с ее родителями, мы не знаем. Их история в книге обрывается.

Том Ли, новый хозяин Киззи, овладел девушкой силой и сделал ее наложницей. От нег оза родила смуглолицего мальчика, которому дали имя Джордж. Но Том Ли не признал его своим сыном. Мальчик жил с матерью, продолжавшей трудиться, как и все расы, на плантации.